

Отзыв официального оппонента на диссертационное исследование
Рахматовой Алисы Мухаматовны
на тему «Телесные образы в неклассической лирике», представленную на
соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.08 –
Теория литературы. Текстология.

Актуальность этой диссертации обусловлена прежде сверхактуальностью рассматриваемой в ней категории телесности. Проблема телесности («corporeality», «corporeité»), вероятно, сейчас стала одной из самых востребованных в социальных и гуманитарных науках. На протяжении большей части XX в. наибольший интерес к телу проявляли сначала философы и психоаналитики. Особую роль здесь сыграли философские сочинения М. Мерло-Понти 1940–1960-х гг., во многом определившие значимость понятий корпоральности, интеркорпоральности, «феноменального тела», трансгрессии в западной философии, антропологии и социальной психологии, а также «тематическая критика» Женевской школы (Ж. П. Ришар, Ж. Пуле), сфокусировавшаяся на романтической или модернистской литературе. С конца 1960-х – начала 1970-х гг. это проблема становится одной из важнейших во французском постструктурализме, деконструктивизме и психоанализе (М. Фуко, Ж. Делез, Ю. Кристева, Ж. Деррида и др.), в котором интерпретация телесности в авангардной или неклассической словесности (у С. Малларме, А. Арто, М. Лейриси, Ф. Соллерса и др.) получает привилегированный статус.

Тогда и сложился специфический, отчасти метафорический язык описания тела в обществе, культуре, литературе в образах «плотской ризомы», воплощения тела в тексте или, по крайней мере, неразрывной связи тела и текста, пишущего тела и «письма» в его графическом и ритмическом измерениях, телесной общности в коммуникации и пр.

К концу 1980-х телесность становится уже вполне академической категорией анализа, прежде всего в неклассической словесности. Так, в 1988 г. выходит первая из монографий Robert Smadja («Poétique du corps: l'image du corps chez Baudelaire et Henri Michaux»), построенная как раз на материале неклассической, но крайне влиятельной во французской литературе лирики Ш. Бодлера.

В 2000-е годы интерес к новой категории по-прежнему не ослабевает. Выходят монографии, посвященные трансгрессивности и телесности в постструктурализме и психоанализе (D. L. Prosser, D. L. Prosser MacDonald «Transgressive Corporeality: The Body, Poststructuralism and the Theological Imagination» (2009), I. Jones «Derrida and the Writing of the Body» (2016), F. Lartillot «Corps-Image-Texte chez Deleuze» (2010). Авангард – «классический» и «поставанагард» продолжает оставаться привилегированной сферой применения анализа разнообразных форм телесности (См., например, в книге С. G. Bellver «Bodies in Motion: Spanish Vanguard Poetry, Mass Culture, and Gender Dynamics» (2010).

Продолжилась и практика многочисленных междисциплинарных конференций и коллоквиумов по телесности. Можно, в частности, упомянуть сборник «Corps, littérature, société, 1789-1900», вышедший в 2005 г., материалы коллоквиума 2008 г. в Сорбонне («Du corps enchanté au corps en chantier»), в Гренобле («Les imaginaires du corps. Littérature, arts, sociologie», 2000 г.) под редакцией Claude Fintz, который, к тому же, стал автором наиболее «академических» публикаций, посвященных проблеме телесности в литературе. Мы имеем в виду его статью «Les imaginaires des corps dans la relation littéraire: Approche socio-imaginaire d'une corporeité partagée», опубликованную в журнале «Littérature» за 2009 (№ 153).

В русской критике интерес к проявлениям телесности в словесности возник еще в конце XIX в., после демонстративного разрыва с традициями в книгах и статьях Д. С. Мережковского, В. В. Розанова. Значимость категории телесности в лирике придали программные статьи и стихи акмеистов, поэтическая практика футуризма и постреволюционных группировок. «Телесность», «чрево», «геморрой», «слепая кишка».

«нутряной», «нутро» – все это слова из метапоэтического лексикона русского авангарда 1920-х годов. Однако затем «стихийность» подобных литературных и литературно-критических установок была отвергнута «сознательностью» и аскетизмом развивавшейся советской культуры и идеологии. У истоков же отечественной традиции эстетической концептуализации этой категории стоит попытка осмысления соотношения «внутреннего» и «внешнего» тела в их динамике в книге М. М. Бахтина «Автор и герой в эстетической деятельности» (середина 1920-х).

Симптоматично, что именно ее положения станут основой для построения модели неклассической модели телесности в данной работе. Следующая книга Бахтина, писавшаяся в 1930-е-1950-е гг. («Творчество Ф. Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса»), будет посвящена проблеме гротескной телесности в карнавале. Издание этой книги в 1960-е обозначило потенциальный интерес к проблематике материально-телесного низа, явно повлияло на некоторых авторов отечественного авангарда этого времени (Ю. Мамлеева, В. Сорокина и др.). Кстати, именно она до сих пор наиболее популярна в европейской рефлексии телесности, в то время как «Автор и герой...» не вызывает большого интереса.

В 1990-е начинается воздействие уже сложившегося глобального метаязыка постмодерна на отечественную гуманитарную мысль, и в «освобожденной» России проявляется интерес к практически отсутствовавшей на тот момент телесной проблематике. Поначалу он облекается в «сюжет о грехопадении»: историки литературы спешат поделиться с читателями эротической тематикой русской литературы. Однако после массивных переводов современной французской гуманитаристики в отечественной философии и культурологии выдвигаются такие авторитеты, такие как М. Ямпольский, В. Подорога, М. Рыклин, М. Эпштейн, Г. Кабакова и др. Их работы в сфере телесности позволили усвоить понятийную систему ее анализа в любом художественном тексте. Особенно значимой представляется нам публикация учебника «Введение в литературоведение» и статей о семиотике тела в поэзии Маяковского польского слависта Е. Фарино (СПб., 2004).

В 2000-е годы в Европе было проведено несколько междисциплинарных конференций и коллоквиумов по проблеме телесности в русской культуре и литературе. Так, в мае 2002 г. в Париже прошла Международная конференция «Тело в русской и иных культурах», организованная Университетом Париж-Сорбонн, в октябре 2003 г. состоялась Международная конференция «Медицина и русская литература: эстетика, этика, тело», организованная отделением славистики Констанцского университета, которая была посвящена сосуществованию художественной литературы и медицины, в феврале 2004 г. в Гронингене – «Репрезентации тела, души и духа в русской литературной и культурной традиции» в Гронингене. В «Wienslawistischer Almanach» в 2005 вышел специальный номер «Тело, дух и душа в русской литературе и культуре» (2005. В. 54).

В 2000-е гг. в России произошел и ожидаемый всплеск разнообразных отечественных литературоведческих публикаций, прежде всего в виде диссертаций и множества статей по проблематике телесности в отечественной модернистской и авангардистской литературе XX в. (в лирике И. Анненского, В. Маяковского, А. Ахматовой, М. Цветаевой, В. Нарбута, К. Вагинова, Г. Иванова, В. Павловой и др.). Почти все они упоминаются в исследовании А. М. Рахматовой и присутствуют в списке использованной ей литературы. Теперь уже и нас стали выходить междисциплинарные сборники по телесности («Дискурсы телесности и эротизма в литературе и культуре: Эпоха модернизма» М.: Ладомир, 2008) и проводиться конференции и коллоквиумы (например, в 2014 состоялся международный круглый стол в МГУ на тему «Тело и телесность в художественном тексте: к антропологии литературы»).

Тем не менее, теоретическая эффективность применения этой категории в литературоведении осталась на уровне 1990-х: она интерпретируется в контексте сугубо индивидуальной поэтики и конкретного художественного мира того или иного отечественного поэта, без попытки создания какой-либо общей модели, «методологии»

анализа. Как правило, отчасти используется глобальный метадискурс в переводной версии, но иррефлексивно и поверхностно. Диссертаций, посвященных проблематике телесности в зарубежной литературе, у нас, к сожалению, пишется на порядок меньше, что, соответственно, снижает интерес к «зарубежной» методике анализа. Таким образом, интересы истории литературы и современной отечественной литературной критики, тоже находящейся в поиске своей методологии, настоятельно требуют выработки теоретической модели для неклассической лирики. Поэтому диссертация А. М. Рахматовой с точки зрения современного научного контекста и проблематики представляется нам **наименее актуальным исследованием**, в котором остро нуждается отечественное литературоведение.

Достоверность полученных результатов подтверждается тем, что соискателем использованы теоретический подход такого значительного отечественного философа как М. М. Бахтин, труды таких авторитетных в сфере теории лирики и исторической поэтики литературоведов как Т. И. Сильман, Б. О. Корман, С. Н. Бройтман, успешно обобщены достижения диссертаций последних лет с историко-литературной тематикой. Выполнена солидная аналитическая работа: в свете заявленной проблематики проанализировано 80 текстов поэтов, относимых к неклассической лирике. Хронологически они охватывают значительный массив неклассической лирики от эпохи барокко до конца XX в. Четвертую часть анализируемых текстов составляют произведения зарубежных авторов, при этом они цитируются в классических переводах, относительно точно доносящих не только «дух», но и лексический состав, «тело» переводимых текстов. В списке научных работ – 146 источников, что в целом кажется нам вполне приемлемым для теоретического исследования

К **наиболее значительным результатам**, полученным лично соискателем, следует отнести:

- концептуализация связи категорий целостности и телесности в эстетике и поэтике неклассической словесности;
- выявление взаимосвязи изображения фрагментированного, нецелостного тела с фрагментированным «сознанием» лирического субъекта в неклассической лирике;
- определение значения и круга типичных мотивов процесса рефлексивной объективации тела;
- описание возможной динамики сопоставления лирического «я», тела и сознания лирического субъекта или персонажа в неклассической лирике;
- обобщение типичных ситуаций кризиса лирического субъекта в неклассической лирике, ведущих к объективации его телесности;
- типизация ситуаций обособления от своего тела лирического субъекта или персонажа;
- уточнение основного содержания лирической ситуации и лирического сюжета в неклассической лирике в свете рефлексии фрагментарно изображенного тела;
- выявление в неклассической лирике неопределенности границы между телом лирического субъекта или персонажа и изображаемым внешним миром.

Научная новизна исследования во многом обусловлена, как было показано выше, его актуальностью. Впервые выстроена оригинальная, простая и непротиворечивая концепция телесности в неклассической лирике. При этом использован язык отечественной эстетики и традиционного литературоведения.

Теоретическая значимость диссертации состоит в применении эстетических представлений о ценностном и целостном подходе к произведению к анализу лирических произведений, созданных в парадигме поэтики художественной модальности – романтической, модернистской или постмодернистской поэзии.

Практическая значимость работы во многом определяется ясностью концепции и эффективностью ее применения для анализа неклассической лирики в процессе организации спецкурсов и спецсеминаров. При условии дальнейшего концептуализации телесности и в

классической лирике основные положения диссертации могут быть использованы в учебниках и пособиях по теории литературы.

Мы не будем делать **общий обзор** исследования, надеясь, что диссертант его полно и адекватно представит в своем выступлении перед уважаемым Ученым советом. Перейдем к тем моментам концепции и исполнения работы, которые вызывают у нас вопросы или требуют уточнения.

Начнем со списка использованной научной литературы. Некоторое недоумение вызывает отсутствие в нем уже упомянутых выше работ Е. Фарина (например, раздела, посвященного деформации тела или метаморфозе в разделе «Тело. Анатомия. Метаморфозы» его широко известного учебника «Введение в литературоведение: учебное пособие». См. Фарина Е. Введение в литературоведение: учебное пособие. СПб., 2004 С. 201-229. Это странно, поскольку речь в нем идет исключительно об авангардистских текстах, о проблематике, схожей с той, которая близка диссертанту. Автор мог убедиться в значительности того, что сделал этот польский славист, ознакомившись с упоминаемой им диссертацией К. Комарова, которая посвящена телесности Маяковского. Очевидно, что отсутствие контекстов из лирики Маяковского значимо для диссертанта, очевидно, не желающего использовать «чужой» материал. Просим прояснить этот казус.

Второй момент гораздо серьезнее для обсуждения, чем претензии к отсутствию нескольких позиций в списке. В нем вообще нет зарубежных исследователей, в переводных изданиях или в оригинале, которые занимались проблематикой тела, за исключением нескольких обзорного типа отечественных монографий междисциплинарного характера и антологии того же типа. Разумеется, есть логика оригинальной авторской концепции, которая укоренена в русле отечественной традиции и не нуждается в обращении к неопределенным и часто метафорическим по происхождению понятиям «письма», «тела текста» и т. п. Но разве нельзя об это было написать во Введении, чтобы и вопросов не возникало? Кроме того, разве «чужое» всегда бесполезно? Вот, например, отрывок о метафизической связи тела и текста из Нобелевской речи многократно цитируемого в работе И. Бродского: «...**черный вертикальный сгусток слов** посреди белого листа бумаги, видимо, напоминает человеку о его собственном **положении** в мире, о пропорции пространства к **телу**». Или известные строчки поэта-битника А. Гинсберга «...with no more body than the fine **black tracery** of pen mark on soft paper». Образы письма и его связи с пишущим телом крайне важны для лирики зрелого Бродского, а их игнорирование обедняет концепцию автора. В связи с этим возникает запрос на такие отечественные диссертации по теории литературы, в которых был бы проведен предварительный обзор и систематизация точек зрения зарубежных литературоведческих школ на те или иные проблемные категории с последующей адаптацией их к отечественной теории литературы. Как известно, «телесность» не была включена А. Компаньоном в пары значимых для современной теории литературы оппозиций, но от этого она не перестала быть проблемной и актуальной, требующей выработки некоего общего глобального языка для этого аспекта характерологии, как это произошло, например, с нарратологией.

Теперь о словосочетании «телесные образы», которое вошло в заголовок работы и продуктивно используется в ее тексте. Понятие «образы», конечно, традиционно и всеохватно, оно используется для преимущественно изобразительных аспектов словесного текста. Но нам здесь не хватило спецификации переносного и предметного, то есть «как бы тела» и «тела в его материальности». Наверное, нужно было пояснить, есть ли различие, принципиально ли оно для исследования, и мы ожидаем этого от автора исследования.

В разборе авторов зарубежной поэзии автор справедливо полагается на качество классических переводов, которые должны, в идеале, адекватно передать мотивы телесности текста-оригинала. Это всегда требует тщательной проверки, несмотря на авторитетность того или иного переводчика. Так, в одном из проверенных нами переводов О. Седакова точно

перевела телесный образ Э. Паунда, а в другом М. П. Кудинов весьма вольно обошелся со строчками А. Рембо. В его переводе строчки из стихотворения А. Рембо «Les effarés» («Завороженные») читаются так: «Душа детей, в тряпье одетых, // Восхищена; // Она блаженствует, а тело // Не чувствует, как иней белый // К лохмотьям льнет» (цитируется в работе на с. 58-59). Однако в подлиннике никакого «тела» нет, только «душа» «под лохмотьями»: «Que ce trou chaud souffle la vie, // Ils ont leur âme si ravie // Sous leurs haillons».

Последнее замечание касается одного из клише в изложении работы, которое в целом соответствует содержанию и достаточно выверено стилистически. В исследовании используется не самый лучший с точки зрения аналитического подхода оборот («данный образ иллюстрирует...»). Его (или его вариантов) употребление явно избыточно: мы насчитали 54 контекста, некоторые из них встречаются на одной странице. Понятно, что контексты должны подтверждать ход теоретической мысли автора, но, наверное, следовало быть более изобретательным «на оси селекции и комбинации».

Высказанные выше замечания носят частный характер и не влияют на безусловно высокую оценку работы в целом как новаторской и значимой для отечественного литературоведения.

Заключение по работе.

Диссертация Рахматовой Алисы Мухаматовны «Телесные образы в неклассической лирике», представленная на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.08 – Теория литературы. Текстология, является научно-квалификационной работой, в которой на основании выполненных автором исследований разработаны положения, необходимые для развития современной отечественной теории литературы, их совокупность можно квалифицировать как научное достижение, она соответствует всем требованиям пунктов 9, 10 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного Правительством РФ от 24 сентября 2013 г. № 842. Ее автор, Рахматова Алиса Мухаматовна, заслуживает присуждения искомой ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.08 – Теория литературы. Текстология.

Официальный оппонент доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, теории литературы и методики обучения литературе ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный педагогический университет»

В. В. Мароши

08.04.2019.

ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный педагогический университет», ул. Вилойская 28, г. Новосибирск, 630126. Тел.: 8- (383) 244-11-61 Факс: (383)244-11-61
Официальный сайт :<https://www.nspu.ru>
E-mail: nspu@nspu.ru

